

ОДИССЕЙ

2005

Время и пространство
праздника

Школа «Анналов» на рубеже
веков

Девiantное поведение русских
горожан в XVIII веке

Caritas Святого Геральда

Павел I: рыцарство и юродство

«Your country needs you»

НАУКА

2005

ОДИССЕЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Festival:
Time and Space*

2005

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Время и пространство
праздника*

2005

Продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
основано в 1989 году

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
А.В. ТОЛСТИКОВ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции М.Л. КОПЫТОВА

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.Г. ЧЕНЦОВА,
кандидат исторических наук А.В. ШАРОВА

Одиссей : Человек в истории / [гл. ред. А.Я. Гуревич ; Ин-т всеобщ. истории]. – М. : Наука, 1989. –

2005. – 2005. – 470 с. – ISBN 5-02-010264-4 (в обл.).

В статьях ведущих представителей “школы Анналов” – М. Эмара и Ж.-И. Гренье обсуждаются проблемы эпистемологии и теории исторического познания. Главный раздел номера посвящен историческому анализу феномена праздничной культуры. Большое внимание уделяется также теме “Историк и изображение”. В этом разделе публикуется статья выдающегося итальянского историка К. Гинзбурга.

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкого круга читателей.

Темплан 2005-I-330

ISBN 5-02-010264-4

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, редакционно-издательское оформление), 1989 (год основания), 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНИКА

Г.В. Бондаренко

ВВЕДЕНИЕ: ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА 5

Г.В. Бондаренко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕИР-
ЛАНДСКОГО ПРАЗДНИКА 8

М.Ю. Реутин

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ КАРНАВАЛЬ-
НОГО “ХРОНОТОПА” 23

Д.Э. Харитонович

ВЕСЕЛИЕ И НАСИЛИЕ 38

З.А. Чеканцева

ПРАЗДНИК И БУНТ ВО ФРАНЦИИ МЕЖДУ ФРОНДОЙ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ 49

Л.А. Пименова

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КОРОЛЕВСКОГО ПРАЗДНИКА
ВО ФРАНЦИИ КОНЦА СТАРОГО ПОРЯДКА 68

В.Я. Петрухин

“ПРАЗДНИК” В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ; К ПРОБЛЕМЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ 81

Л.А. Трахтенберг

СУМАСБРОДНЕЙШИЙ, ВСЕШУТЕЙШИЙ И ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ
СОБОР 89

О.С. Воскобойников, Г.В. Бондаренко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 119

ЖУРНАЛУ “АННАЛЫ” 75 ЛЕТ

А.Я. Гуревич

ПОЗИЦИЯ ВНЕАХОДИМОСТИ 122

М. Эмар

“АННАЛЫ” – XXI ВЕК 131

Ж.-И. Гренье

РАЗМЫШЛЕНИЯ О “КРИТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ” 138

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЕ

Ж. Баше

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИКОНОГРАФИИ 152

К. Гинзбург

“ТЫ НУЖЕН СВОЕЙ СТРАНЕ”: ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗ ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИКОНОГРАФИИ 191

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

И.М. Супоницкая

КОЛОНИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ: СИБИРЬ И АМЕРИКАНСКИЙ ЗАПАД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.) 219

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Б.С. Каганович

НАДЕЖДА ОСЕЕВНА ЩУПАК. ЖИЗНЬ И СУДЬБА 241

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Ю.П. Соловьев

РЫЦАРСТВО И ЮРОДСТВО. К ПОЭТИКЕ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВОГО 262

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.М. Кром

К ПОНИМАНИЮ МОСКОВСКОЙ “ПОЛИТИКИ” XVI в.: ДИСКУРС И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНАРХИИ 283

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ*О.А. Савельева*

“СВЕТ КОНЧИНЕ МОЕЙ...”: ОБРАЗ РАЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ 304

А.А. Панченко

КУЛЬТ ЛЕНИНА И “СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР” 334

МИКРОИСТОРИЯ*А.Б. Каменский*

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVIII в. 367

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА*Ю.Е. Арнаутова*

CARITAS СВЯТОГО ГЕРАЛЬДА: К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В *VITA S. GERALDI* ОДО КЛЮНИЙСКОГО 393

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*И.Г. Галкова и С.И. Лучицкая*) 428

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000
Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. М., 2003 (*О.Е. Кошелева*) 443

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

CONTENTS

FESTIVAL: TIME AND SPACE

<i>G.V. Bondarenko</i>	
INTRODUCTION: THE TIME OF FESTIVAL	5
<i>G.V. Bondarenko</i>	
ON SOME PECULIARITIES OF THE FESTIVITY IN EARLY IRISH TRADITION	8
<i>M.Yu. Reutin</i>	
SOME DELIBERATIONS ON THE CARNIVAL'S 'CHRONOTOPE'	23
<i>D.E. Kharitonovich</i>	
JOY AND VIOLENCE	38
<i>Z.A. Chekantseva</i>	
FESTIVAL AND RIOT IN FRANCE BETWEEN THE FRONDE AND THE REVOLUTION	49
<i>L.A. Pimenova</i>	
THE SPACE AND THE TIME OF THE LATE <i>ANCIEN RÉGIME</i> FRENCH ROYAL FESTIVAL	68
<i>V.Ya. Petrukhin</i>	
'FESTIVAL' IN THE MEDIEVAL RUSS'. TOWARDS THE PROBLEM OF ITS HISTORICAL PECULIARITIES	81
<i>L.A. Trakhtenberg</i>	
ALL-MAD, ALL-JESTING, ALL-DRUNKEN ASSEMBLY	89
<i>O.S. Voskoboinikov, G.V. Bondarenko</i>	
CONCLUSION	119

ANNALES' 75TH ANNIVERSARY

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
POSITION OF OUTSIDENESS	122
<i>M. Aymard</i>	
THE ANNALES IN THE 21 ST CENTURY	131
<i>J.-Y. Grenier</i>	
THE DELIBERATIONS ON THE 'CRITICAL TURN'	138

HISTORIANS AND IMAGES*J. Baschet*

MEDIEVAL IMAGES AND SOCIAL HISTORY: NEW POSSIBILITIES OF ICONOGRAPHY	152
--	-----

C. Ginzburg

“YOUR COUNTRY NEEDS YOU”: A CASE-STUDY IN POLITICAL ICONOGRAPHY	191
---	-----

COMPARATIVE HISTORY*I.M. Suponitskaya*

RUSSIA AND AMERICA: EXPERIENCE OF COLONIZATION (THE SECOND HALF OF THE 19 TH CENTURY)	219
--	-----

THE HISTORIAN AND THE TIME*B.S. Kaganovich*

NADEZHDA OSEEVNA STCHOUPAK. LIFE AND DESTINY	241
--	-----

INDIVIDUAL AND HISTORY*Yu.P. Solovjev*

CHIVALRY AND FOOLISHNESS FOR CHRIST'S SAKE. ON THE POETICS OF THE IMAGE OF EMPEROR PAUL I	262
---	-----

NEW POLITICAL HISTORY*M.M. Krom*

UNDERSTANDING MUSCOVITE 'POLITICS' OF THE 16 TH CENTURY: DISCOURSE AND PRACTICE OF RUSSIAN LATE MEDIEVAL MONARCHY	283
--	-----

THE ISSUES OF HISTORY OF POPULAR CULTURE*O.A. Savelieva*

“THE LIGHT FOR MY DECEASE...”: OLD-BELIEVERS' PARADISE IMAGERY	304
--	-----

A.A. Panchenko

LENIN'S CULT AND THE 'SOVIET FOLKLORE'	334
--	-----

MICROHISTORY

A.B. Kamensky

DEVIANT BEHAVIOUR IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN TOWN 367

PROBLEMS OF HISTORICAL NARRATIVE

Yu.Ye. Arnautova

ST. GERALD'S *CARITAS*: ON THE PROBLEM OF AUTHOR'S INTENTIONS IN *VITA S. GERALDI* BY ODO OF CLUNY 393

BOOK REVIEWS

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*J.G. Galkova, S.I. Luchitskaya*) 428

A.S. Lavrov. Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740. Moscow, 2000;
Ye.B. Smilianskaya. Magicians. Blasphemers. Heretics. Popular Religious Ideas and “Spiritual Crimes” in the 18th Russia. Moscow, 2003 (*O.Ye. Kosheleva*) 443

ANNIVERSARIES 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

А.Б. Каменский

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVIII в.

Девииантное поведение, под которым принято понимать культурно осуждаемые отклонения, связанные с нарушением социальных и нравственных норм в виде преступности, алкоголизма, наркомании, проституции, суицида и пр., является традиционным предметом социологических исследований. По мере развития историко-антропологического направления исторической науки эта, как и всякая, традиционно социологическая проблематика, оказалась как бы опрокинутой в прошлое и стала все больше интересовать и историков. Вполне естественно, что, поскольку названные явления характерны в большей степени для городской, чем сельской среды, и связаны, как принято считать, с разрушением патриархального уклада жизни, изучение маргинальных слоев городского населения – воров, проституток, нищих, гангстеров, рэкетиров и т.д. – занимает важное место в городской антропологии (*urban anthropology*)¹. В зарубежной историографии накоплен весьма значительный опыт подобного рода исследований, однако работы, основанные на русском историческом материале, стали появляться лишь в самое последнее время, причем преимущественно они посвящены XIX–XX вв., а также жизни крупных городских центров², что, естественно, связано прежде всего с особенностями источниковой базы. Цель данной статьи – продемонстрировать возможность изучения девиантного поведения на материале более раннего времени и притом – ином географически, а также обозначить возникающие в связи с этим проблемы*.

---

* Поскольку «девиантное поведение» – это категория, привнесенная в историческую науку из социологии, то, на наш взгляд, ее использование в изучении прошлого имеет смысл лишь в рамках того ее понимания, которое принято в социологии. При этом понятно, что многие из перечисленных выше явлений могут быть охарактеризованы как вполне типичные. Так, например, вполне типичным явлением практически для любой исторической эпохи и любого региона была проституция, а типичным явлением современности является наркомания, однако это не означает, что к ним не применимо понятие девиантного поведения, как *культурно осуждаемых отклонений от социальной или нравственной нормы*.

Подобная возможность обнаружилась в ходе работы над проектом по изучению повседневной жизни русской городской провинции XVIII в. Хотя отдельные сюжеты, прямо или косвенно связанные с этой темой, естественно, затрагивались во множестве работ историков XIX–XX вв., но комплексно эта проблема до сих пор не ставилась. К тому же, существующие работы написаны преимущественно на материале крупных торгово-промышленных городов и административных центров, в то время как в данном проекте решено было сосредоточиться на небольшом провинциальном городе центральной России, имея в виду, что именно таких городов в это время было большинство. При этом задача состояла в том, чтобы изучить все сохранившиеся источники за целое столетие. Ограничение хронологических рамок исследования в данном случае именно столетием представляется оправданным, поскольку речь идет о достаточно цельной исторической эпохе.

Говоря об источниках, следует сразу же отметить, что хотя именно в XVIII в. в России появляются такие источники личного происхождения, как мемуары и дневники, по своему происхождению они связаны почти исключительно с образованными слоями дворянства. Частная переписка горожан XVIII в. также сохранилась в наших архивах очень фрагментарно. Соответственно, основным источником для нашей темы – это документы местных органов власти и прежде всего городских магистратов, в ведении которых и находились в рассматриваемое время городские жители. Исходя из этого, непосредственный выбор объекта исследования, т.е. конкретного города, был обусловлен прежде всего сохранностью источников. Именно таким образом и, следовательно, достаточно случайно, выбор пал на город Бежецк, ныне находящийся на севере Тверской области, а до 1775 г. входивший в Московскую губернию. Город этот старинный, известный по крайней мере с XII в.; в XV–XVI вв. он был достаточно крупным торговым и административным центром, но в начале XVII в., во время Смуты, был полностью сожжен и вновь восстановлен на новом месте, однако свое былое значение потерял. Население его в XVIII в. колебалось в пределах 2,5–3 тыс. человек. Преимущественно это были собственно горожане – те, кого в донетровское время именовали посадскими людьми, а после податной реформы Петра I и до 1775 г. – купцами. Помимо этого в городе постоянно проживали представители духовенства, чиновничества (город был уездным, а значит, в нем располагалась воеводская канцелярия) и военные. Было в городе и несколько дворов местных помещиков. Также в Бежецке постоянно находилось некоторое количество приезжих, прежде всего купцов других городов, приезжавших в город по торговым делам или бравших на откуп местную соляную или винную продажу, а также командированных чиновников

вешных. Основная масса горожан занималась огородничеством и малым ремеслом, и лишь незначительная часть – торговлей, в том числе с Москвой и Петербургом. В этническом отношении город был достаточно однороден, если не считать того, что еще в XVI в. при Иване Грозном в этот регион были переселены жители Карелии «карельяне». Однако среди бежечан их, судя по всему, не было. Таким образом, город Бежецк был достаточно типичным провинциальным русским городом XVIII в.

Фонд Бежецкого городского магистрата (в отдельные периоды XVIII в. он назывался ратушей), хранящийся в «Российском государственном архиве древних актов» насчитывает около 2 тыс. дел за период с начала века и до 1775 г. включительно, охватывая, таким образом, первые три четверти века. Характер и содержание этих документов определяется, естественно, функциями самого магистрата. Это учреждение лишь условно может быть названо органом местного самоуправления, поскольку возглавлялось выбранными бургомистром и ратманами. Власть его распространялась только на собственно горожан (купцов), в то время как чиновничество было подведомственно воеводской канцелярии, а духовенство – духовной консистории. В реальности основные функции магистрата сводились к сбору всех видов налогов, обеспечению исполнения различных повинностей, учету жителей и обеспечению в городе порядка, включая соблюдение санитарных норм. Также он обладал судебными функциями по мелким уголовным, гражданским, финансовым и хозяйственным делам. Магистрат, естественно, не имел права устанавливать в городе какие-либо собственные порядки или правила, но должен был организовывать жизнь в городе в соответствии с общероссийским законодательством. Самостоятельно горожане решали лишь вопросы приема в городскую общину новых членов, выбирали из своей среды рекрутов, а также тех, кому в соответствии с очередностью надлежало исполнять разного рода городские службы (исповальников, десятских, сотских, ратманов, бургомистров, почтмейстеров и др.).

Совершенно очевидно, что составители делопроизводственных документов городского магистрата вовсе не стремились к фиксации подробностей повседневной жизни горожан и данные о ней приходится буквально по крупицам извлекать из дел самого разного содержания. В этом смысле данное исследование представляет собой нечто и своего рода эксперимент, который должен продемонстрировать возможности подобных архивных комплексов в изучении данной тематики. Как выяснилось, сквозной, год за годом, зачастую полистный просмотр дел фонда позволяет не только узнать о различных эпизодах городской жизни, но открывает перед исследователем дополнительные возможности. Так, зачастую удается реконструи-

ровать семейные и родственные связи горожан на протяжении нескольких поколений, выстроить цепочки из разновременных (иногда с разрывом в десятки лет) эпизодов в жизни одного человека, которым можно попытаться воссоздать некоторые черты его личности, модель поведения в конфликтных ситуациях и т.д. В ряде случаев удастся даже реконструировать биографии отдельных лиц в истории отдельных семей, что для данного социального слоя особенно сложно. Таким образом, почти каждый зафиксированный в документах отдельный эпизод, происшествие, случай, т.е. тот самый эпизод, изучение которого занимает видное место в современной исторической науке, оказывается возможным, как будет показано ниже, дополнить весьма существенными деталями³.

Уже вскоре после начала работы, когда еще не было известно, какая именно информация окажется доступной, стали складываться несколько устойчивых и достаточно репрезентативных тематических групп документов по таким вопросам, как, к примеру, семейная жизнь горожан, их времяпрепровождение, взаимоотношения между отдельными городскими общинами, характер внутригородских конфликтов и способы их разрешения, мир вещей, окружавший русского горожанина XVIII в., санитарное состояние города и др. Временами также попадались документы с информацией, которую невозможно было отнести ни к одной из этих групп. Преимущественно речь шла о происшествиях, не вписывавшихся в ту обыденную картину городской жизни, которая складывалась по другим делам или о поступках и поведении горожан, не подпадавших под уголовное или полицейское расследование, но которое при этом, будучи вполне обычным, обращало на себя внимание властей и, таким образом, отразилось в документах. Сюда же были отнесены сведения о событиях, условно говоря, странных, трудно объяснимых, с точки зрения наших сегодняшних знаний и представлений.

В качестве условного, рабочего названия документы этой группы были обозначены как “девиация”, имея в виду, прежде всего, отклонение от некоей условной же нормы, т.е. в данном случае от того, что для города было достаточно обычным. Со временем однако стало очевидно, что, в сущности, речь по большей части идет действительно о том, что принято называть девиантным поведением. В нашем случае, однако, необходимо сделать важную оговорку: пьянство, мелкая преступность, хулиганство, бесчисленные конфликты, в том числе с применением насилия, как свидетельствуют документы Бежецкого городского магистрата, для повседневной жизни русского города XVIII в. были делом как раз обыденным и составляли ее неотъемлемую часть. Хотя, естественно, обо всех эпизодах подобного рода известно лишь потому, что они зафиксированы в документах, а сам факт их фиксации свидетельствует о том, что

... являлись нарушением правовой нормы. Тем не менее подавляющее большинство нарушителей по тем или иным причинам, но преимущественно потому, что никто на этом не настаивал, не несло никакого наказания, а значительная часть конфликтов заканчивалась примирением сторон⁴. Реконструируемая таким образом картина городской жизни как нельзя лучше подтверждает мнение Э. Дюркгейма, рассматривавшего преступность как непреходящий элемент социальной организации общества и считавшего преступника не “полностью асоциальным существом”, а составной частью общества, играющим “определенную роль в социальной жизни”⁵. Однако в контексте нашей темы в связи с этим возникает вопрос о том, в какой мере категория девиантного поведения вообще применима к подобным правонарушениям, поскольку очевидно, что по крайней мере о большинстве трудно говорить как о *культурно осуждаемом* нарушении нормы. Впрочем, и тут необходимо оговориться: среди документов бежецкого городского магистрата встречаются сведения о задержании и наказании запойных пьяниц, о попытках властей бороться с этим явлением, а также о том, что в случаях, когда пьянство приводило к полной недееспособности, городская община избавлялась от подобных своих членов, либо сдавая их в рекруты, либо отправляя на поселение в Сибирь. Так или иначе, в данной статье речь пойдет преимущественно об иных проявлениях девиантного поведения, а именно – о самоубийствах и проституции.

Что касается самоубийств, то за весь указанный период по Бежецку есть сведения лишь о четырех случаях, причем один из них – это лишь попытка самоубийства, а еще один случай отнесен к этой группе только в силу того, что в ходе следствия существовало подозрение о самоубийстве. С проституцией дело обстоит еще сложнее. По существу, на основе имеющихся данных с уверенностью говорить можно не только и не столько о проституции, сколько (более широко) о нарушении норм сексуального поведения. Однако и подобные случаи, как будет показано ниже, были достаточно редки. Уже сам по себе этот факт весьма важен, поскольку косвенно указывает на патриархальную устойчивость русской городской провинциальной жизни XVIII в., для которой такие происшествия были действительно девиацией. Тем ценнее те немногочисленные данные, которые удалось выявить.

САМОУБИЙСТВА

Первый зафиксированный случай относится к 1724 г. 4 апреля этого года “Бежецкого посаду вдова Фекла Акинфеева дочь Борисовская жена Гневашева доносила словесно: В прошлом де 723 году, в в котором месяце и числе, того сказать не знает, сын ее Алексей

Борисов сын Гневашев по выбору бежецких посадских людей послан был в целовальники в Санкт-Петербург. А сего 724 году в апреле месяце, а которого числа, того не знает, оной сын ее пришел к ней в дом и по се число живет тайно, а чего де ради тайно живет того не ведает, и от того она опасна, нет ли за ним какой притчины”. Обратим внимание на то, что сын, как утверждает мать, вернулся домой в апреле, а донесла она на него уже 4-го числа, т.е. прожил он в ее доме не более двух–трех дней. Спустя пять дней после доноса, 9 апреля Алексей Гневашев был арестован и помещен в колодничью избу при магистрате, где просидел почти неделю. 15 апреля, как доносили впоследствии караульные, “оной Алексей Гневашев стал метатца и скорбеть животом, и потом у него и рвота ево непомерная изняла. И от той скорби, признавая, стали ево спрашивать и обыскивать, нет ли какова отравного шелья. И по обыску... при всех колодниках и караульных денщиках выняли у него, Алексея Гневашева, из кармана мышьяку и кавцов... и, призвав сторонних людей, ево, Гневашева, спрашивая, что он тот мышьяк ел ли, и он... Гневашев при всех объявил, что тот мышьяк ел сам тайно, а для какой притчины и где оной мышьяк взял, того за тою болезнию и за рвотой им, караульным, не сказал. И от того объядения он, Алексей Гневашев, будучи в колодничьей избе, и помер того 15 числа”.

Получив это донесение караульных, магистрат постановил допросить всех очевидцев, что само по себе свидетельствует о том, что этот случай был воспринят как экстраординарный. Допросив свидетелей, подтвердивших показания караульных, магистрат сообщил о случившемся высшему местному церковному начальнику – архимандриту Николаевскому Антониева монастыря Серафиму с просьбой дать распоряжение о погребении умершего. Ответ был получен лишь в 20-х числах апреля, когда священнику бежецкого Воздвиженского собора было дано распоряжение выяснить, был ли у Алексея Гневашева духовный отец, причащался ли он и “буде по розыску явитца не убит, не зарезан, не описался и не удавлен, велено погребсти с надгробным пенником по конец погоста”⁶.

Вот собственно и все о происшествии в Бежецке в апреле 1724 г. Однако сквозной просмотр документов магистрата дает возможность хотя бы отчасти дополнить картину случившегося. В подпорной ведомости г. Бежецка за 1709 г. значится Яков Прохорович Гневашев, вместе с которым и проживал его племянник, сын его брата будущий самоубийца Алексей Борисович. В ведомости обозначено, что Яков Прохорович был холост и “сухорук” и, видимо, по этой причине не имел никакого промысла и, соответственно, не платил никаких налогов⁷. Судя по всему, отца Алексея, Бориса Гневашева

то время, т.е. в 1709 г., в живых уже не было. Другим бежецким двором владел в это время брат Якова Михаил. К его двору примыкал двор, доставшийся Алексею в наследство после отца, но там жила его мать, уже известная нам Фекла Акинфеевна, да не одна, а со вторым мужем, надсмотрщиком крепостных дел Киприаном Львовым. С кем-то из двух сыновей проживала также бабушка будущего самоубийцы Матрена Игнатъевна⁸. В 1715 г. она умерла, дядя Якова к этому времени в живых, судя по всему, уже тоже не был, и Алексей переехал жить к дяде Михаилу. В 1716 г. отчим Алексей Киприан Львов попытался оформить фиктивную купчую на часть владений Михаила Гневашева, якобы проданных его пасынку Алексею, но тот, видимо, пожаловался, и дело было решено полюбовно⁹. В ведомости 1723 г., составленной за год до смерти Алексея и учитывавшей непосадское население города, значится “Двор Алексея Гневашева, в нем живет новгородец Федор Шатов”, этот двор, видимо, сдавался в аренду¹⁰.

Незадолго до событий апреля 1724 г. мать Алексея жаловалась магистрату на то, что ее обокрали, причем из соответствующих документов становится ясно, что к этому времени умер и ее второй муж. По всей видимости, за ним как чиновником остались какие-то долги, в связи с чем власти требовали от вдовы выдать оставшиеся после мужа документы и для этого даже возили ее к допросу в Углич. Одновременно вдова вела дело о наследстве, пытаясь оформить на себя все причитающееся ей после обоих мужей. Иначе говоря, когда Алексей Гневашев вернулся в Бежецк из Петербурга, мать фактически находилась под следствием и в явно затруднительных обстоятельствах. Но есть и еще одна примечательная деталь. Дело в том, что в документах подушной переписи 1721 г. обозначен возраст Алексея Гневашева – 13 лет и, значит, в 1724 г. ему было всего 16!¹¹ Сам факт посылки 16-летнего мальчишки в целовальники в Петербург говорит о многом. Подобные городовые, как их называли, службы считались довольно тяжелой повинностью и, как правило, состоятельные и, соответственно, влиятельные горожане делали все, чтобы от них избавиться, посылая тех, кто не мог себя защитить, за кого некому было заступиться. Отношения с матерью у сына были явно не слишком теплые – иначе она на него бы не донесла, – и он, по-видимому, остро ощущал свою ненужность, что, вероятно, и стало причиной самоубийства. Заметим при этом, что его жизненные перспективы были весьма туманны: отец, которого он никогда не знал, не оставил ему практически никакого наследства, у дяди Михаила были собственные дети, на мать он надеяться не мог. Впрочем, также вполне вероятно, что по каким-то причинам он действительно самовольно покинул Петербург и опасался наказания.

Прошло более четверти века, прежде чем в Бежецке произошло еще одно самоубийство. В июне 1751 г. городской бургомистр Лука Ревякин сообщил в магистрат, что “пред вечером известился и пред двороваго своего человека Андрея Михайлова, что жительствующий у меня свойственник бежечанин Алексей Семенов сын Серебренников, в доме на сеннице удавился, почему я в то самое время, взяв с собою бежецкой соборной Воскресения Христова церкви священника Иоакима Павлова, бежецкого магистрата ратмана Ивана Степанова сына Велицкого, копииста Ивана Сусленикова, соцкого Петра Ирдасова, да бежецких купцов Ивана Алексеева сына Тыранова, Николая Елуфимова сына Фуфлыгина, Якова Степанова сына Дружинина, Ивана Иванова сына Демина, свидетельствовал и по свидетельству оказался он, Серебренников, в показанной сеннице на слеге и петле мертв, коего приказал я показанным купцам срезать с петли, положить в гроб ко объявлению и свидетельству в Бежецком магистрате”. Удушенника освидетельствовали, и “никаковых боевых признаков на нем Серебренникове не оказалось, точию от веревки, на которой он, Серебренников, обвесился значит на шее ево багровой рубец”¹². Собственно о самом этом эпизоде больше никаких сведений нет. Надо полагать, после освидетельствования Серебренникова похоронили. На сей раз все было сделано быстро и без лишнего шума, скорее всего потому, что произошло это в доме бургомистра, который и руководил процессом и, конечно же, не был заинтересован в излишней огласке. Но обращают на себя внимание несколько деталей. Во-первых, Ревякин сообщает, что Серебренникова сразу положили в гроб. Значит ли это, что гроб был приготовлен заранее или что просто гроб про запас имелся в то время в каждом доме? Во-вторых, показательно, как много свидетелей привел с собой предусмотрительный бургомистр – семь человек, включая священника! Наверное, созвать их было нетрудно, но все же, почему так много? Конечно, соблазнительно считать эти детали подозрительными и предположить, что дело было нечисто и Серебренникову помогли удавиться, но никаких прямых доказательств этого у нас нет.

Как и в первом случае, картину несколько дополняют сведения о покойном и его родственных связях с бургомистром. В ведомости 1709 г. числится вдовец Захар Федорович Серебренников, дед самоубийцы, в то время владелец собственного двора, торговец “лавочным москотинным товаром”. С ним вместе проживал его женатый сын Семен 40 лет с тремя своими сыновьями – Никифором, Семеном и Алексеем, т.е. Алексей Серебренников был самым младшим. В 1709 г. ему было три года, а повесился он, соответственно, в 45 лет. В той же ведомости 1709 г. значится и Савва Яковлевич Ревякин, состоятельный купец, позднее в 1725 г. записанный как первостатейный. Будущий бургомистр Лука Ревякин – это его сын

Между 1709 и 1721 гг. в семье Серебренниковых, по-видимому, произошло несколько несчастий: умерли и дед, и отец, и мать Алексея. В всяком случае, во время переписи 1721 г. было записано, что вместе с Саввой Ревякиным проживает его племянник Семен Семенович Сусленников, т.е. старший брат Алексея, средний из братьев. Возможно, здесь ошибка, и Алексей также уже проживал в это время с дядей, вероятно, братом матери. Соответственно, Лука Ревякин и Алексей Серебренников были двоюродными братьями. Во время следующей переписи 1747 г. в Бежецке зафиксирован лишь один Серебренников – Алексей, холостой и бездетный¹³. Эти данные позволяют предположить, что не имевший никакой собственности самоубийца жил в качестве бедного родственника, нахлебника на дворе богатого кузена. Как складывались отношения между ними, мы не знаем, но очевидно не слишком благостно, раз закончилось все это столь трагически.

Другой случай самоубийства или, вернее, как уже говорилось, попытки самоубийства носит совсем иной характер. В начале 1748 г. кописист бежецкого духовного правления Федор Павлов сообщил в магистрат, что в ноябре минувшего 1747 г. он женился на дочери бежечанина Андрея Андреевича Петухова Авдотье и тесть продал ему половину своего дома с землей. На этой половине молодожены и поселились. “А сего февраля с перваго числа, – жаловался Павлов, – приходя оной тесть мой Петухов пьяным обычаем дено и ночью в дом наш, бранит всякою неподобною скаредною бранью и называет меня шельмою и похваляется убить меня до полу-смерти, при которых похвальных словах произносил таковыя речи, что де, взяв с собою нескольких купецких людей человек и пришед в дом, и черева де твои ножом выпущу”¹⁴. Спустя несколько месяцев в магистрат поступила от Павлова новая челобитная, в которой он сообщал: “сего августа 5 дня нынешняго 1748 году означенной тесть мой Андрей Петухов, паки пришед в дом в нечувственном своем пьянстве и... меня именованного и жену мою бранил же и не удовольствуясь тем, но умысля злым своим намерением, хотя меня именованного и жену мою видеть в напрасном разорении и приехать по указом Вашего Императорскаго Величества в тяжчайшие ответы, в вышепредписанном доме своем у ворот от защелки отрезал веревку и сошел в малую новую избу и ту веревку, привязав к крышке, хотел сам себя на той веревке обвесить, точию по усмотрению нашему к той самопроизвольной смерти не допущен”¹⁵. Никаких сведений о продолжении этого дела нет. Известно лишь, что в 1747 г. Петухову было 67–68 лет. Неудавшийся самоубийца оказался долгожителем: он был жив и 15 лет спустя, когда проводилась новая ревизия душ, причем за год или два до этого он постригся в монахи под именем Иоанникія¹⁶.

Примечательно, что у Петухова была не одна, а три дочери, причем две из них носили имя Авдотья. Очевидно, одна из них и была женой челобитчика Федора Павлова, но в документах 1772 г. Авдотья значится попадъей, а другая – женой купца Василия Ососкова¹⁷. Скорее всего, эта вторая и была в первом браке за Павловым. Дело в том, что женой Ососкова она была уже и в 1763 г., причем в ревизских сказках значится, что в это время ей было 17, а ее мужу 28 лет¹⁸. Такая необычная разница в возрасте указывает на то, что молодой человек, не принадлежавший к состоятельной семье, по-видимому, женился на вдове, а значит, ее предыдущий брак с копиистом Павловым был непродолжительным.

И, наконец, четвертый случай, относящийся к 1755 г. сотский Герасим Бурков докладывал в магистрат: “Сего октября 3 дня по полночи, пришел ко мне именованному бежецкой купец Иван Павльев сын Сахарников и объявил, что де в небытность ево, Сахарникова, и жены ево, Федосьи Борисовой дочери, при доме живущая бежецкого уезду вотчины Святотроицкой Сергиевой лавры деревне Сифцова крестьянская женка Христина, а чья подлинно дочь, не вестен, влезши в избную ево, Сахарникова, для пару печь, и неведомо каким незапным случаем в той печи померла”. Осмотр тела показал: “левое плечо и рука, також и спина обожжены и от жару в руку, так и спину свело, а более оного к самоубивству никаких признаков не оказалось, точию при том мертвом теле в той печи явилось: медной тас с водою и веником и насланная в печи солома”. В духовное правление была послана промемория с просьбой похоронить Христину с церковным пением, поскольку признаков самоубийства не обнаружено¹⁹.

Этими случаями история самоубийств в Бежецке первых трех четвертей XVIII в. и исчерпывается. Вообще для России XVIII столетия, если, конечно, не считать массовых самосожжений старообрядцев, самоубийство было явлением крайне редким, и не только потому, что оно однозначно осуждалось церковью, но и потому что в принципе для этого столетия характерны порожденные успехами естественных наук и трудами философов-просветителей жизненный оптимизм, вера в возможности человеческого разума изменять действительность, способность человека творить собственную судьбу, своими руками, ухватив удачу за хвост, создавать свое счастье. Характерны в этом отношении слова Екатерины II: “Счастье не так слепо, как его себе представляют. Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных... А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения”²⁰. Однако одновременно с этим XVIII в., Век Разума – это время новых идей об окружающем мире и жизни в нем, время переоценки ценностей, когда “эпоха безого-

рочного осуждения суицида подходит к концу”²¹. И не случайно эти имена, обычно называемые в соответствующей литературе, — забывших счеты с жизнью автора повести “Российский Вертер” М. Сушкова, ярославского помещика-вольтерьянца И. Оповина, и А. Радищева — принадлежат людям из образованных слоев общества, ведь “интеллектуалы убивают себя в десять раз чаще, чем люди малообразованные — именно потому что образованность связанная с нею материальная обеспеченность... способствуют распространению индивидуализма”²². Иначе говоря, чем выше уровень образованности, тем, соответственно, выше уровень саморефлексии и вероятнее самоубийства.

Но мы в данном случае имеем дело со средой, применительно к которой говорить о сколько-нибудь высоком уровне образованности и, соответственно, саморефлексии не приходится. Однако понятно, что самоубийства имели место и в этом социальном слое. Так, И.В. Курукин приводит случай 1756 г. с солдатом В. Трескиным, который испугался собственных мыслей о возможности покушения на императрицу Елизавету Петровну, донес на себя, подвергся пыткам и затем покончил жизнь самоубийством²³. Но этот случай явно имеет отношение больше к теме восприятия власти, в то время как примеры описанных самоубийств бежечан очевидно бытового характера. Гневашев и Серебренников кончают с собой от полной безысходности, и, таким образом, случаи с ними вполне подходят под теорию Э. Дюркгейма, объяснявшего суицид исключительно социальными причинами²⁴. Неудавшийся самоубийца Петухов пытался наложить на себя руки в пьяном виде и, возможно, как раз чтобы довести ненавистному зятю. Примечательно, что Г.Ш. Чхартишвили относит “безудержное пьянство” к суицидогенным психокультурным характеристикам русского народа, поскольку оно “само по себе уже является типом суицидального поведения и действительно во все времена несло ответственность за большинство российских самоубийств”²⁵. Что же касается последнего из описанных случаев, то у нас слишком мало данных, чтобы на их основе делать какие-либо выводы. Скорее всего, мы действительно имеем дело не с самоубийством, а с несчастным случаем. Впрочем, статистика свидетельствует, что женщины вообще “совершают самоубийства в среднем в 3-4 раза реже”²⁶. Но, как бы то ни было, рассматривая редкие случаи самоубийств в русской городской провинции XVIII в., нельзя не согласиться с тем, что “даже в тех случаях, когда самоубийца неграмотен и слыхом не слыхивал о философии, он все равно принял важное философское решение: признал, что его жизнь... плоха, лишена смысла, и лучше ее прекратить”²⁷.

ПРОСТИТУЦИЯ И НАРУШЕНИЯ НОРМ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

То, что проституция в России этого времени в принципе существовала, – факт общеизвестный. В крупных городах и прежде всего в Петербурге имелись публичные дома, в том числе посещавшиеся крупными вельможами и военными. Впрочем, по большей части их содержали иностранцы. Много иностранок было и среди проституток²⁸. В городе Бежецке в рассматриваемое время иностранцев не было вовсе. Подавляющее число городских семей были коренными, жившими в городе на протяжении многих поколений. При общей малочисленности населения все хорошо знали друг друга и, соответственно, даже если бы кто-то из горожан обладал достаточными средствами, чтобы иметь содержанку, как это практиковалось и даже было своего рода модой в столицах, это не могло бы остаться незамеченным. Однако помимо собственно посадского бежецкого населения в городе, как уже упоминалось, временно или постоянно находились купцы из других городов и их работники, отставные и действительной службы военные, командированные чиновники и пр. Это была, так сказать, “группа риска”, поскольку, находясь вне общества (community), к которому они принадлежали, эти люди в меньшей степени были связаны необходимостью соблюдать жесткие нормы поведения. В этом смысле показательны те немногие данные, которые косвенно свидетельствуют о том, что, если не публичный дом, то что-то вроде притона в городе существовал. В январе 1747 г. канцелярист воеводской канцелярии Илья Власов доносил в магистрат, что минувшей ночью, когда он вместе с караульным подпрапорщиком ходил с проверкой в городскую тюрьму, “под святотроицкой Сергиевой лавры подворья в малой избе чинился необычной немалой крик, ис которой де избы поймал двух человек, в которых один в Бежецкой канцелярии о себе показал, что кашинский посацкий человек Афанасей Никитин сын Тараканов имеетца у бежецких откупщиков работником, да в той же избе взята салдацкая дочь подозрительная в блудодеянии, которой наказание и учинено, а оной Тараканов по команде для учинения ему за хождение ночью в такое непотребные дома по силе указов и по полицейской инструкции наказания послан при сей промемории”²⁹. Здесь требуется пояснение. По-видимому, второй пойманный не был посадским или купцом, и с ним, как и с солдатской дочерью, разобрались в воеводской канцелярии, а Тараканова, как посадского человека, хоть и не бежецкого, а кашинского, “по команде”, т.е. по принадлежности, послали в магистрат. Показательно также, что притон находился не в купеческом доме, а на подворье Святотроицкой лавры, которой принадлежало несколько сел в Бежецком уезде.

Обратимся к другому случаю, который косвенно указывает на существование проституции. В феврале 1762 г. купец Степан Дегтярев донес, что, будучи в кабаке “для питья вина и пива”, от купца Тимофея Сажина он услышал рассказ о том, что их земляк бежечанин Илья Самохвалов “взятой з жены своей по христианскому обычаю крест употребил в подарок за блудодеяние”, т.е. расплатился с проституткой крестом, полученным от жены при венчании. Самохвалов, доносчик и рассказчик были отосланы для следствия в духовное управление³⁰. Решение этого ведомства нам неизвестно, но спустя несколько месяцев “за некоторые непорядки и от пьянства невоздержанности” Самохвалова было решено отдать в рекруты – обычный, как уже упоминалось, способ избавления городского сообщества от беспокойных членов. Узнав об этом решении, Илья Самохвалов отрубил себе топором палец на правой руке. Допрошенный в магистрате он утверждал, что сделал это “без умыслу пьяным делом в безумстве”³¹. Ему повезло: на основании высочайшего указа об амнистии по случаю коронации Екатерины II он был освобожден от наказания. Однако, пока шло следствие, его посадили в колодничью избу при магистрате. В октябре 1762 г. купец Иван Телегин донес, что заключенный рассказал ему, будто “бежецкой купец Антон Самохвалов научал волшебству”. Илью допросили, но он все отрицал³². Но уже на следующий день другой купец – Семен Попов донес, что Самохвалов оклеветал и его, якобы заявив, что “Попов, пришед к девке, а к чьей и как зовут, того имянно не показал, и сию ребенка задавил и зжег в печи за дровами”. В тот же день Самохвалов на допросе показал, что говорил то “пьянским образом с перепоею... от котораго перепоею бывает он временем в безумие, причём ссылался на своих домашних, которым об этом известно”. Спустя месяц Самохвалов был допрошен повторно “под плетьюми” и повторил свои показания. Подтвердили их также его мать и жена³³. В середине декабря он выломал окно в колодничьей избе и бежал.

Здесь стоит остановиться, дабы выяснить некоторые подробности о нашем герое. Согласно ревизской сказке 1763 г., Илья Терентьевичу Самохвалову было в это время всего 20 лет. Он был сыном 68-летнего бежецкого купца и 63-летней дочери крепостного крестьянина Бежецкого уезда и сам был отцом годовалой дочери. Благодаря его побегу сохранилось описание его внешнего облика: “исвелик собою, лицом смугл и несколько щадровит, волосы на голове русые, прямые”. Спустя год после побега, в декабре 1763 г. Илья Самохвалов был обнаружен в Бежецке и арестован. На допросе показал, что бежал, “убоясь себе за вину свою наказания, ушел... в Новгородский уезд, в котором и находился по разным местам у людей по малому числу дней, а более обращался к работе на барках”, затем вернулся в родной город. По решению магистрата, Са-

мохвалов был публично наказан плетью и, по-видимому, все же отправлен в армию³⁴.

Итак, в данном случае мы имеем дело с молодым человеком, запойным пьяницей, да еще и склонным к фантазиям. Но его социально-психологический портрет может быть дополнен. Дело в том, что имя упоминавшегося Антона Самохвалова, якобы учившего нашего героя “волшебству”, встречается и в других документах магистрата. Антон был двоюродным братом отца Ильи. В 1763 г. ему было 44 года³⁵. Но первое упоминание о нем в документах магистрата относится еще к 1730 г. Именно тогда началась, по-видимому, маргинализация семьи Самохваловых, ибо именно в том году старший брат Антона Андрей убил человека с целью ограбления. Убийца Андрей Самохвалов был приведен в магистрат собственным отцом и признался, что украденные деньги спрятал на даче своего дяди, Владимира Самохвалова. Это как раз дед Ильи, с которого начался наш рассказ. Тут и появляется Антон Самохвалов, которого послали вынуть деньги из тайника и принести в магистрат. Антон, которому было в это время 11 лет, не растерялся. Он выполнил поручение, но по дороге изъясил из мешка 5 рублей 50 копеек, поскольку, как потом признавался, “думал, что тех денег не хватит”. Некоторое время и Антон, и его отец, и его дядя просидели в тюрьме, но затем были отпущены, а старший брат Андрей приговорен к смертной казни, но бежал и пойман, по-видимому, не был³⁶.

Понятно, что своего рода клеймо с этого времени было на всем семействе, что, надо думать, отразилось и на судьбах его членов. На протяжении последующих лет Антон Самохвалов и его второй брат Никифор были замешаны в ряде мелких эпизодов, а в начале 1757 г. в городе произошло еще одно убийство: на сей раз в пьяной драке был убит Никифор Самохвалов, в связи с чем Антона вывели к следствию в Углич. Спустя шесть лет после событий с подарившим крест “за блудодеяние” и отрубившим себе палец Ильей Самохваловым, в 1769 г., его двоюродный дядя Антон со своей второй женой Аксиной (в 1763 г. он числился “вдов”) и малолетним сыном вместе с несколькими другими семьями бежечан были отправлены на поселение в Нерчинск как находящиеся “в непорядочном житии в пьянстве и протчих непорядках и всему бежецкому купечеству вредительных продерзостях и поступках”³⁷.

Принадлежность именно к маргинальным слоям по крайней мере одного из участников “блудного дела” характерна и для иных эпизодов, связанных с нарушением норм сексуального поведения. Сведения о них носят отрывочный характер, но достаточно характерны. Так, в 1716 г. из-под ареста бежал посадский человек Семен Калинин, арестованный на основе показаний “государевой дворовой

Паркинской волости девки Анны Леонтьевой” (т.е. крепостной), который “приличился к блудному делу во многом с нею падении”³⁸. В плену было 18 лет от роду. В бегах он, видимо, был недолго и то же самое сам вернулся, то ли был пойман, но за 1720 г. имеются сведения о его женитьбе и, конечно, не на девке Анне, которая, вполне вероятно, находилась в услужении или в доме Калашниковых, или в каком-то другом посадском доме³⁹.

В том же 1716 г. из-под ареста бежал другой посадский Михаил Ревякин, посаженный за то, что хвалился, “будто со многими жил блудно, а у них замаривал детей”⁴⁰. Это тоже был совсем молодой и молодой человек, и можно предположить, что в данном случае речь идет действительно просто о похвальбе. Во всяком случае, в ведомости 1725 г. Михаил Ревякин предстает добропорядочным семейным, отцом двухлетнего сына⁴¹.

В 1728 г. в магистратской колодничьей избе содержали “девку Парасковью Иванову в прижити блудно младенца, которого, не ожидая урочного числа отравила зелием”⁴². Следственное дело по этому эпизоду сохранилось в фонде Бежецкой воеводской канцелярии. Из него явствует, что началось оно еще в мае 1724 г., когда детский Меркул Бабушкин сообщил сотскому Семену Петухову, что дочь посадского человека Ивана Тимофеевича Тыранова Парасковья “явилась чревата”. Для освидетельствования девицы были посланы жены двух посадских, после чего еще одна была приставлена следить за подозрительной девицей. Однако уже в начале июля при повторном осмотре она “явилась праздна, а где у нее, девки Парасковьи, тот ее беззаконной прижитой младенец, о том ныне неизвестно... понеже ныне у нее не является”. На допросе в магистрате Парасковья показала: “В нынешнем 724 году в мае месяце она, Парасковья, как при осмотре бежецкого посаду посацких жен... чревата не бывала и никогда де никакова младенца она не раживала и ни с кем она, девка Парасковья, как до нынешнего 724 году, так и в нынешнем 724 году ни с кем блудно не живала, только де на масляной неделе сего ж 724 году пришел к ней тобольского баталиона салдат, а как ево зовут и которой роты, того де она сказать не упомнит, учинил с нею блуд сильно, и от того блудного смешения во утробе своим младенца зачала носить или нет, про то де она сказать не знает. А о том де насилии ея она, девка, никому не извещала”. Допросили и приставленную к Парасковье женщину, которая, надо полагать, к неслабому удивлению магистратских служителей, утверждала, что находившаяся под ее присмотром девица беременна не была и не рожала. Тогда в качестве эксперта призвана была местная повивальная бабка, которая, осмотрев подозреваемую, показала, что та “подлинно родила, почему значатца ныне и сосцы ея девки, как обыкновенно родившия жены бывают”.

Наступила следующая стадия дознания: Прасковью поднимали дыбу, дали двадцать ударов, но она лишь повторила свои показания. Тогда ей устроили очную ставку с одной из свидетельствующих женщин. Та призналась, что к ней приходила мать Прасковьи и уговаривала не говорить, что ее дочь была беременна. Прасковью вновь пытали, и она наконец созналась: “Оного де младенца во чреве своем отравила зельем, а зелье де брала – порох у салдат, которые де у них в доме стояли на квартире, растворяя пила сама, а кто де имяя и какового полку оные салдаты, про то де она сказать не помнит. А про тое де отраву, как замаривать во чреве детей, сказала де ей, девке, вотчины Невского монастыря женка крестьянская, которой де деревни и как ее имя, того она, девка, сказать не помнит. А она де женка в нынешнем 724-м году после Петрова дня умерла. Отец, мать и братья, утверждала Прасковья, знали про ее беременность, но про намерение отравить младенца она им не говорила. Спустя некоторое время “при смертной скорби” она добавила, что “оного де младенца в утробе ее разорвало и изошел из нее дрянь”.

Как это часто бывало, после получения признания о Прасковье надолго забыли, и она продолжала сидеть в колодничьей избе до 1727 г., когда была приговорена к смертной казни. Однако приговор в исполнение приведен не был. В 1728 г. ее отослали в воеводскую канцелярию, где снова пытали и допрашивали. На сей раз она показала, что, хотя и пила отраву до рождения ребенка, он родился живой и уже затем умер, а его труп она отдала той самой крестьянке, которая отнесла его “в убогой дом”, а “прижила того младенца с нашими шеписанными салдаты... и про то их блудодеяние никто не ведал, и она о том не объявляла, покрывая свой стыд”. Прасковью пытали вторично, стремясь выяснить, как именно она умертвила ребенка, но ничего не добились. В результате было решено бить ее кнутом “нешадно”, а затем отпустить⁴³.

Совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело с вполне заурядной ситуацией: девушку то ли соблазнили, то ли изнасиловали стоявшие в ее доме на постое солдаты, и она постаралась сделать все возможное, чтобы это скрыть. Обращает на себя внимание, что власти даже не пытались расследовать факт изнасилования, их интересовала только судьба ребенка, за убийство которого и судили Прасковью. Также примечательна реакция представителей власти, членов той же городской общины, на внебрачную беременность. Стремление избавиться от рожденного таким образом ребенка было, по всей видимости, с их точки зрения предсказуемым и ожидаемым.

Случай иного рода произошел в 1735 г. в доме бежечанина Якова Судоплатова. Незадолго до этого его сын Иван женился на некоей Фекле, а через пять недель после свадьбы она родила ребенка

На допросе она показала, что жила в доме посадского человека Пола Дедюхина (по-видимому, в услужении), где сошлась с его кваррантом посадским человеком из Углича Петром Дуткиным, от которого и забеременела. О случившемся она сообщила своему хозяину, который, надо полагать, и поспешил от нее избавиться выдав заступку, дабы избежать неприятностей⁴⁴. О том, какими они могли быть, свидетельствует дело 1706 г., когда в магистрате допрашивали братьев Ивана и Павла Неворотиных, на дворе которых жила крестьянская девка Агриппина Трофимова, неизвестно с кем прижившая ребенка⁴⁵. В данном же случае в соответствии с законом Фекла верно было оштрафовать и отослать для наказания к ее духовному отцу. В этом деле обращает на себя внимание то, что Фекла сошлась именно с чужаком, приезжим. Но есть и еще одна интересная деталь: ее мужу Ивану Судоплатову в 1735 г. было по одним данным 16, а по другим и вовсе 14 лет. Это дает основание предполагать, что хозяин Феклы не просто таким образом сбыл ее с рук, но и, вероятно, заплатил за это отцу Ивана. Впрочем, во время ревизии 1763 г. Иван был записан уже без жены.

В 1724 г. на двор бежечанина Антона Попкова был подкинут младенец женского пола, которого Попков крестил под именем Марья. Когда девочке было около четырех лет, ее забрал себе священник Иоанн Михайлов “вместо ему дочери”⁴⁶. За 1742 г. имеются сведения о том, что Марья (ей в это время было 18 лет) вместе с другой “девкой”, дочерью купца Гаврилы Викулина Прасковьей, содержалась в местном Николаевском монастыре “в блудодействии”⁴⁷. Что касается последней, то о ней ничего не известно. В ведомости 1763 г. среди детей Викулина она не значится, что косвенно может указывать на то, что она была выдана замуж. Что же касается Марьи, то, надо полагать, священник воспитал ее не самым лучшим образом.

С другим местным священником Назаром Ветлицким в 1724 г. произошла и вовсе постыдная история. Он был обвинен в растлении своей духовной дочери и свояченицы Елены “чрез изнасилование ево, Назариево, блудом девством Еленина, и потом, после того растления чрез такие ж ево, Назариевы, в ево ж доме ее ж, Елены, многократные изнасиловании блудодействии ж, от чего она, Елена, и очрватела и родила мертвого младенца”⁴⁸. До окончания следствия Назару было запрещено служить, но он, видимо, обладал весьма горчичим нравом. Так, в феврале 1725 г. он ворвался в церковь во время службы, вытащил из нее священника и сам “начал петь постные псалмы”. Еще и в следующем 1726 г. он постоянно склочничал и дрался с местными священниками⁴⁹.

Бежецкое духовенство и его взаимоотношения с посадским населением – это отдельная тема, но здесь имеет смысл сказать, что священнослужители явно не являлись примером поведения для местно-

го населения. Они так же, как и все остальные местные жители, участвовали в драках, конфликтах из-за имущества и денег, причем как между собой, так и с представителями всех других слоев населения. Пожалуй, наиболее одиозный случай, который может быть охарактеризован как девиантное поведение, произошел в 1764 г. со священником Федосием Самойловым, который в день св. Николая Чудотворца, находясь в гостях у крестьянина Степана Иванова в присутствии нескольких местных купцов “на тарелку клал свой тайный уд”. Допрошенные свидетели, впрочем, показали, что “священник Федосей Самойлов... будучи в той компании при многих людях свой тайный уд выказывал наружно, а чтоб на тарелку оное класть, чтоб они... будучи в хмельном образе не предусмотрели”⁵⁰.

Необходимо отметить, что начало столетия было отмечено в Бежецком уезде разгулом бандитизма, когда на протяжении многих лет несколько банд фактически терроризировали местное население грабя, избивая и насилая. Так, например, в указе 1702 г. сообщается, что “в Бежецком уезде ходят великим собранием воры и разбойники человек по сту и больши, и помещиковы, и вотчинниковы, в монастырские села и деревни разоряют и жгут и в тех селах и деревнях крестьян огнем жгут до смерти, и пожитки их грабят, и церкви Божии и Святыя иконы и церковную всякую утварь жгут же, и на женами, и над девками блудное дело творят, и девкам в тайные уши спицы колотят”⁵¹. Однако в самом городе за все рассматриваемое время произошло лишь два изнасилования. В 1725 г. некая Афикия Сьянова (по-видимому, местная помещица) жаловалась на нападение на ее городское подворье, во время которого жившую на этом подворье подпоручицу Анну Степанову дочь увезли в поле и изнасиловали. Пострадавшая узнала среди насильников посадского человека Андрея Семеновича Архипова⁵². По-видимому, он был арестован, бежал и затем скитался в окрестностях города, по ночам приходя в отцовский дом, грабя амбары и отцовскую лавку. Также его подозревали в ограблении дома купца Афанасия Попкова и поджоге дома купцов Сапожниковых. В июле того же года ночью его заметил сотский Ларион Швыгин. Состоявшийся между ними диалог представляет один из тех редких случаев, когда документы доносят до нас живую речь людей XVIII века. Швыгин сообщал: “И познав подлинно ево, Андрея, подал ему голос свой чрез кашлем, и он, Андрей мне отвечал словесно: не кашляй, еще припасен у меня про тебя хорошей топор. И я ему, Андрею, стал говорить словами вслух для чего ты ходишь в такие неуказные часы и лазишь чрез стан ко отцу своему, а не в ворота, знато за этикие непорядочные свои поступки в небытность отца своего от матери своей и объявлен, за что и нам тебя приказано от судей ловить и приводить в ратушу. И он, Андрей, пришед к перегороде вышепомянутого огорода моего, вы

нож большей, которым ножом за той перегород строгал струш-
ки незнамо какие и стал говорить мне: кто станет меня ловить и я
тому жив в руки не дамся, любо де ево зарезу или сам себя зарезу.
Да он же, Андрей, говорил мне в те ж поры: полно де тебе, Ларион,
и нами надзирать и присматривать и чужих домов остерегать, сте-
речь де и береги своего дому, а не чужих, что де ныне зделалось над
другими и над тобою также бы не зделалось, а меня де пустили меж
вор скитатца, только де и я многих пуцу ж также скитатца меж
вор же”⁵³. Дальнейшая судьба Андрея Архипова неизвестна, но его
отец в 1727 г. утверждал, что сын умер в 1725 г.⁵⁴

Второй случай изнасилования также связан с семьей Архипо-
вых. В июне 1728 г. Кузьма Архипов, родной дядя насильника Анд-
рея, сообщал в магистрат, что 2 февраля в то время, как он был в
поезде, а жена ушла в церковь (был праздник Сретения Господня),
посадский человек Андрей Красильников его дочь девицу Татьяну
изнасиловал блудом и растлил девство ея в поклете наедине, а по
узнании того пошел из дому ево, запретив со угрозением объявля
и такая слова, чтоб она как ему, отцу, так и матери своей и никому
о том не пронесла и нигде не била челом, понеже де он, Андрей,
копмет ее, Татиану, замуж за себя”. Из других документов дела яв-
ствует, что в момент подачи Кузьмой челобитной Андрея Красиль-
никова в городе не было, но с его отцом истец заключил “духовный
договор” “в том, что дочь ево, истца, Татиану, ему, Федору Красиль-
никову, поняти за сына своего Андрея и кроме ее нигде не женит-
ца”⁵⁵. Особую пикантность этому случаю придают данные ведомос-
ти 1721 г., согласно которым Андрею Красильникову в это время
было 5 лет. Соответственно, в 1728 г. в момент изнасилования ему
было 12–13 лет!⁵⁶ Сколько лет было его жертве, неизвестно, но вряд
ли она была сильно старше. По всей видимости, уговор был испол-
нен, ибо спустя три года, в 1731 г. Андрей Красильников сообщал в
магистрат: “В нынешнем 1731-м году маяя против осьмаго числа в
почи жена моя нижеименованного Татьяна Козмина дочь незнамо
каким случаем, собою, или по чьему подговору, покиня детей своих
и обрав мои всякия пожитки – деньги и платье и свою женскую вся-
кую курнь и платье ж, бежала безвестно, про которую и поныне ни-
какова известия не имеетца”⁵⁷. Таким образом, к 1731 г. у этой мо-
лодой пары было уже по крайней мере двое детей. Следует отметить,
что это единственный зафиксированный в бежецких документах
случай бегства жены от мужа. Спустя несколько месяцев после это-
го в городе была ограблена церковь Архистратига Михаила, и в свя-
зи с этим сотский Филипп Кобылин доносил: “и сего ж ноября 2 дня
усмотрел я ... с котомкою мимо большей дороги идущаго незнамо
какова человека, за которым я погнался и нагнал при посторонних
шюдах в Бежецком уезде под деревнею Пирошковым бежечанина

посацкого человека Андрея Федорова сына Красильникова, которого спросил, куда идет, и он объявил, что идет в Угличь к шурину, а потом сказал, что идет наймыватца в салдаты и показал ножик, которого конец изгибан, а пашпарта де от Бежецкой ратуши не имать и тем он себя показал подозрительна”⁵⁸.

Сведений о дальнейшей судьбе Андрея Красильникова нет, в ревизию 1747 г. он зарегистрирован не был. Впрочем, есть одна записка. В ревизских сказках 1747 г. сразу же после бездетного Федора Семеновича Красильникова 59 лет записан Андрей Федорович Наумов 36 лет, т.е. примерно 1711 г. рождения⁵⁹. Поскольку переписывали бежечан по дворам, то значит, Наумов жил, если не вместе, то рядом с Красильниковым. Фамилия Наумов есть и в подворной переписи 1709 г.: там значится Федор же Мартемьянович Наумов 10-летним сыном Андреем же, которому, соответственно, в 1747 г. должно было быть примерно 48 лет. Разница в 12 лет слишком велика, чтобы счесть ее просто ошибкой, хотя, конечно, вовсе исключить ее тоже нельзя. Однако по возрасту Андрей Федорович Наумов все же ближе к потерявшемуся Андрею Красильникову. В 1763 г. в 51 год он имел шестерых детей, его жене, Пелагее Васильевне, было в это время 49 лет, причем в ревизской сказке упомянуто, что это второй брак Андрея. Правда, если верить ревизской сказке, все его дети родились после 1731 г. Не вполне ясно лишь со старшей дочерью Настасьей, о которой сказано, что в 26 лет она выдана замуж, за сколько лет до 1763 г. это произошло, неизвестно. Так или иначе, в принципе соломенный вдовец вполне мог сменить фамилию. Более того, в бежецких документах встречаются лица, носившие фактически по две фамилии. Так, например, бежецкий купец Иван Петрович Неворотин, представляясь, считал необходимым добавлять: “а по мирскому званию Чекалкин”⁶⁰.

Еще одно бежецкое “блудное дело” относится к 1757 г. Восподской канцелярией была арестована крестьянская девка Марина, Федотова дочь, показавшая на следствии, что имела связь с купцом Федором Пономаревым, в доме которого жила в услужении и который обещал на ней жениться. Призванный к ответу купец принес “всестрашайшее и рабское извинение” на высочайшее имя, но жениться “не одержимою скорбею”, т.е. болезнью, отказался. Оба были наказаны плетью, но уже через три недели арестованы вновь, поскольку “они, купец Пономарев и девка Федотова, по освобождении ее из Бежецкой канцелярии ис-под следствия по прежде бывшему о блудном деле вторично между собою поллюбовное блудожителство подлинно имели”. Пономарева снова били плетью и приговорили к штрафу, а девуку отослали в воеводскую канцелярию⁶¹.

Описанные случаи девиантного поведения, связанные с нарушением норм сексуального поведения, как представляется, показыва-

то, что в принципе подобные случаи в городской провинции XVIII в. были довольно редки и уже с этой точки зрения могут быть оценены как девиация. При этом в большинстве случаев одним из партнеров по “блудному делу” был кто-то чужой, не являвшийся членом городской общины, по тем или иным причинам не входивший в какое-либо сообщество (community); либо формально член общины, но по существу маргинал. Сам же девиантный поступок мог свидетельствовать о маргинальности совершившего его, а с другой стороны, совершение подобного поступка могло повлечь за собой маргинализацию. Таким образом, можно заключить, что в описываемое время городская община по-прежнему накладывала на поведение ее членов жесткие ограничения. Всякое отклонение от установленных церковью, письменным и обычным правом, а также традицией норм ответственности отслеживалось и жестоко каралось, а их нарушение могло привести к потере социального статуса.

Вместе с тем, надо иметь в виду, что само соприкосновение, взаимодействие бежечан с представителями иных общин и социальных групп было в определенной степени явлением новым, порожденным петровскими преобразованиями. Это относится, в первую очередь, к появлению в городе воинских частей регулярной армии, постоем солдат и офицеров на квартирах горожан, что влекло за собой установление между ними определенных, часто конфликтных отношений⁶². Но, естественно, возникали отношения и иного рода. Подолгу живя в городе и оставаясь обособленной группой, постояльцы самими условиями повседневности невольно втягивались в жизнь города, знакомились с его обитателями, вступали с ними в хозяйственные и финансовые отношения, вместе с ними проводили время в кабаках, ссорились, дрались, приударяли за купеческими женами и дочерьми. И далеко не всегда дело кончалось так печально, как в случае с Праксией Тырановой. Так, в 1752 г. сразу четверо военнослужащих Бутырского полка (два солдата, капрал и “комисарской подъячий”) пожелали жениться на бежечанках⁶³.

Несомненно также, что преобразования первой четверти XVIII в. способствовали интенсификации географической мобильности. Так, например, в 1762 г. городской магистрат выдал бежечанам более 80 паспортов для поездок в другие города (преимущественно в Москву, Петербург и Новгород)⁶⁴. Но значительно больше приезжих – купцов иных городов и их работников, а также чиновников, стало появляться и в самом Бежецке. Ревизские сказки 1763 г. фиксируют происхождение жен бежецких купцов, а также случаи выдачи дочерей замуж за пределы общины. Наиболее часто встречающаяся по отношению к женам и весьма характерная запись – “старинная того города Бежецка купецкая”, однако среди женщин, вышедших замуж за бежечан, немало и дочерей церковно-

служителей, мелких чиновников, отставных военных, крестьян купцов других городов. Среди мужей дочерей также военные, дети церковников, чиновники, крестьяне⁶⁵. Все большая степень взаимодействия городской общины с иными социальными группами, в том числе через брачные связи, несомненно способствовала постепенному размыванию ее границ, трансформации традиционных типов поведения.

Говоря о девиации, мы, естественно, неизбежно должны задаваться вопросом и о том, какова была норма поведения внутри общины и, например, норма поведения незамужних купеческих девиц. Данные об этом крайне скупы, поскольку в документы магистрата попадали сведения лишь опять же об отклонении от нормы. Так, в 1750 г. сторож Андрей Петров доносил в магистрат, что ночью 22 августа он встретил компанию из примерно десяти человек, «которые в те неуказные часы до означенной обстоящей рогатки пели песни и кричали необычно, что весьма указом противно, из которых опознал я города Бежецка купецкаго человека Филипа Петрова, сына Кобылина, дочерей Пелагею, да Авдотью. Которых было шатающихся и необычной крик употребляющих по должности моеи и дойти начал, точию все разбежались»⁶⁶. Надо полагать, речь идет о компании молодых людей, загулявших теплой летней ночью. В ревизской ведомости 1763 г. действительно значатся две дочери Филипа Кобылина, но не Пелагея и Авдотья, а Прасковья и Анна. В 1750 г. старшей был 21 год, а младшей 18 лет. К 1763 г. старшая была уже замужем за монастырским крестьянином, а младшая оставалась девицей, что, впрочем, вряд ли было как-нибудь связано с ее неприличным поведением в ранней молодости. Примечательно однако, что из всей компании в десять человек сторож обратил внимание именно на девушек.

Следует отметить, что в Бежецке, как и в других русских городах того времени и как в западноевропейских средневековых городах, запрещалось ходить по улицам по ночам, в «неуказные часы» и тем более шуметь. За порядком наблюдали специальные караулы, устанавливавшие «рогатки» – шлагбаумы. Однако магистрат особого рвения в этом деле не проявлял, а справиться с загулявшими горожанами было непросто. В декабре 1749 г. Бежецкая канцелярия констатировала: «по должности оногo магистрата в ночных часах рогаточного караулу не имеетца и на концах улиц по силе полицейской инструкции и рогаток не учреждено и, тако видя обыватели неосторожность, в нынешнее время, чрез всю ночь, наряжены в женское платье и навыворот шубы и другими непризнаемыми способами незнамо чего ради собранием по улицам бродят и употребляют неприличные забавы – кричат переменными голосами, притворяясь, яко чинят игрища, из чего неясно что последовать

может, как и в прошлые годы, чинены обывателем бой и грабежи...⁶⁷ В 1765 г. канцелярия вновь обращала внимание магистрата на то, что “после полудни в 9-м и 10-м часех, даже и до самой полуночи... бежецкие купцы, ходя по городовому валу и по улицам великими партиями, чинят многие непорядки, кричат и песни поют, причем и озорничества чинят”⁶⁸. Ситуация усугублялась тем, что, вопреки запретам на продажу в ночное время спиртного, как свидетельствовал в 1762 г. правивший полицейскую должность М. Завьялов, “целовальники... показанную ночную питей продажу производят всегда”⁶⁹.

Случаи нарушения общественного спокойствия, в том числе и достаточно экзотическим образом, происходили не только ночью, но и днем. Так, в июле 1761 г. капрал Сергей Повирахин объявил в повоеводской канцелярии, что накануне, находясь на дежурстве, он обратил внимание на купца Гаврилу Возгревского, который вместе с сотским Иваном Лодыгиным ходил по площади между торговых рядов с барабаном и бил в него так, будто в городе пожар. На барабанный бой “многие збежались люди”. Повирахин попытался утихомирить Возгревского, говоря, что “по милости Божия в городе Бежецке пожару нет”, однако тот не унимался и стал бить в барабан еще сильнее. На помощь Повирахину явился солдат Макар Кочергин, и вместе они пытались арестовать нарушителей спокойствия. Те сопротивлялись, и Лодыгин даже ударил Кочергина в глаз. Однако Возгревский и Лодыгин все же были задержаны⁷⁰. Один из дебоширов – сотский Лодыгин – месяцем ранее доносил в магистрат, что ночью, идя мимо кабака, он стал свидетелем того, как целовальник Иван Баскаков выстрелил из окна кабака из ружья в сторону стоящей неподалеку избы купца Жукова. Последний жаловался Лодыгину, что Баскаков забавляется подобным образом еженощно. Жуков при этом опасался не того, что целовальник может попасть в него или кого-то из его домочадцев, но что от стрельбы может вспыхнуть пожар⁷¹. Заметим, кстати, что, по-видимому, владение огнестрельным оружием для этого времени дело обычное.

Если добавить к сказанному, что в среднем примерно пять раз в год фиксировались случаи ссор и драк между членами городской общины, преимущественно в пьяном виде, в кабаке или около него, зачастую ночью, а в документах наверняка зафиксированы далеко не все такие происшествия, то встает вопрос: в какой мере понятие “патриархальные нравы” вообще применимо к этой картине? Другой интересный вопрос: было ли все это результатом “повреждения нравов” в результате петровской модернизации или в допетровское время ситуация была аналогичной? Но это, естественно, тема уже иного специального исследования.

- ¹ См.: *Ястребицкая А.Л.* Европейский город (Средние века – Раннее Новое время): Введение в современную урбанистику. М., 1993; *Репина А.И.* “Новая историческая наука” и социальная история. М., 1998; *Каменский А.Б.* История повседневности русского города: постановка проблемы // *Повседневность русской провинции: история, язык и пространство*. Казань, 2002. С. 43–57.
- ² См., например: *Engel B.A.* St. Petersburg Prostitutes in the Late Nineteenth Century: A Personal and Social Profile // *Russian Review*. 1989. Vol. 48, N 1. P. 21–44; *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siecle Russia. Ithaca. 1992; *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге. М., 1994; *Bernstein L.* Sonia’s Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia. Berkeley, 1995; *Healey D.* Masculine Purity and “Gentlemen’s Mischief”: Sexual Exchange and Prostitution between Russian Men, 1861–1941 // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60, N 2. P. 233–265; *Герасимов И.* “Мы убиваем только своих”: преступность как маркер межэтнических границ в Одессе начала XX века (1907–1917 гг.) // *Ab Imperio*. 2003. N 1. С. 209–260.
- ³ Подробнее о проекте см.: *Каменский А.Б.* Повседневная жизнь русского города XVIII века (по материалам Бежецкого городского магистрата) // *Управление городами: история и современность: Мат. научн. конф. Тверь, 23–24 ноября 2000 г.* Тверь, 2001. С. 142–154; *Он же.* Повседневная жизнь русского города XVIII в. как источниковедческая проблема // *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. тез. XIV научн. конф. М., 2002.* С. 237–244.
- ⁴ Подробнее см.: *Каменский А.Б.* Городские хулиганы в России XVIII века // *Россия XXI*. 2002. № 1. С. 122–139.
- ⁵ Цит. по: *Герасимов И.* Указ. соч. С. 215. Необходимо подчеркнуть, что сказанное относится лишь к мелким правонарушениям. Что касается более серьезных преступлений, то за весь изученный период в Бежецке произошло всего три убийства, причем только одно из них преднамеренное, а два других – случайные, в ходе пьяной драки. При этом, однако, серьезно воспринимались, расследовались и наказывались любые формы воровства, т.е. покушение на собственность.
- ⁶ РГАДА. Ф. 709. Оп. 27. Д. 273. Л. 8–17а.
- ⁷ Здесь и далее подворная ведомость 1709 г. цит. по: Там же. Оп. 2. Д. 44.
- ⁸ Там же. Д. 98. Л. 4.
- ⁹ Там же. Д. 118.
- ¹⁰ Там же. Д. 269. Л. 2 об.
- ¹¹ Исследователям хорошо известно, что указания на возраст в ревизских сказках зачастую не точны, но погрешность составляет, как правило, два–три года.
- ¹² РГАДА. Д. 911. Л. 1–3.
- ¹³ Там же. Оп. 1. Д. 101. Л. 59 об.
- ¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 824. Л. 6.
- ¹⁵ Там же. Л. 9.
- ¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 101. Л. 22.
- ¹⁷ Там же. Д. 423. Л. 171.

- 60 Там же. Д. 101. Л. 50.
- 61 Там же. Оп. 2. Д. 1039. Л. 1–4.
- 62 Илински императрицы Екатерины II. СПб, 1907. С. 203. См. также: Коше-
ва О.Е. Ракурсы “щастья” в России XVII–XVIII веков // Казус. 2002.
Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002. С. 108–117.
- 63 Чартишвили Г.Ш. Писатель и самоубийство. М., 2001. С. 31.
- 64 Там же. С. 150.
- 65 Курукин И.В. Эпоха “дворских бурь”: Очерки политической истории по-
селенетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 354.
- 66 Чартишвили Г.Ш. Указ. соч. С. 149–155.
- 67 Там же. С. 197.
- 68 Там же. С. 153.
- 69 Там же. С. 95.
- 70 См., например: Писаренко К.А. Повседневная жизнь русского двора в
царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 401–416.
- 71 ГАДА. Ф. 709. Оп. 2. Д. 783. Л. 10.
- 72 Там же. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–3.
- 73 Там же. Д. 44. Л. 1–3.
- 74 Там же. Д. 51. Л. 196.
- 75 Там же. Л. 197; Д. 78. Л. 1–7.
- 76 Там же. Д. 78. Л. 8–13.
- 77 Там же. Д. 101. Л. 58.
- 78 Там же. Оп. 2. Д. 398. Л. 1–46.
- 79 Там же. Оп. 1. Д. 286. Л. 113.
- 80 Там же. Оп. 2. Д. 123. Л. 259.
- 81 Там же. Д. 199. Л. 50 об.; Д. 265. Л. 2.
- 82 Там же. Д. 137. Л. 11.
- 83 Там же. Д. 44, 288.
- 84 Там же. Д. 361. Л. 49.
- 85 Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–30.
- 86 Там же. Ф. 709. Оп. 2. Д. 535. Л. 4–4 об.
- 87 Там же. Д. 18. Л. 188.
- 88 Там же. Д. 663. Л. 5.
- 89 Там же. Д. 650. Л. 676а, 881а.
- 90 Там же. Д. 339. Л. 4.
- 91 Там же. Д. 291. Л. 30–31; Д. 307. Л. 169–169об., 182–183, 205.
- 92 Там же. Оп. 1. Д. 135. Л. 388–389.
- 93 Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 1 об.
- 94 Там же. Д. 291. Л. 33.
- 95 Там же. Д. 297. Л. 15–15 об.
- 96 Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
- 97 Там же. Ф. 709. Оп. 2. Д. 361. Л. 152–153.
- 98 Там же. Д. 199.
- 99 Там же. Д. 424. Л. 7.
- 100 Там же. Д. 494. Л. 4.
- 101 Там же. Оп. 1. Д. 101. Л. 50 об.
- 102 Там же. Оп. 2. Д. 1210. Л. 12.
- 103 Там же. Д. 1111. Л. 1–5.

- ⁶² См.: *Калашиников Г.В.* К вопросу о квартировании войск в городах России в первой половине XVIII в. // *Города Европейской России конца XV – первой половины XIX века.* Тверь, 2002. Ч. 1. С. 152–162.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 709. Оп. 2. Д. 945. Л. 290, 293, 318, 320.
- ⁶⁴ Там же. Д. 321. Л. 1–8 об.
- ⁶⁵ Условия выдачи замуж за пределы общины, а также женитьбы на дочерях крестьян, солдат, священнослужителей требуют, конечно, специального изучения. Так, например, из четырех указанных военных Бутыринского полка трое женились на девушках, чьи отцы к этому времени умерли.
- ⁶⁶ Там же. Д. 891. Л. 124.
- ⁶⁷ Там же. Д. 855. Л. 210.
- ⁶⁸ Там же. Оп. 1. Д. 135. Л. 345.
- ⁶⁹ Там же. Д. 54. Л. 22.
- ⁷⁰ Там же. Д. 19а. Л. 91; Д. 20. Л. 142.
- ⁷¹ Там же. Д. 22. Л. 28.